

**Лев
Айзерман**

**70
ЛЕТ
В ШКОЛЕ**

Annotation

В книге «70 лет в школе» автор анализирует свой колоссальный преподавательский опыт и предлагает собственные ответы на самые актуальные вопросы. Его рассуждения строятся на анализе школьных сочинений нескольких поколений его учеников.

Книга адресована педагогам-словесникам, а также представляет ценность для любого читателя, стремящегося научить своих детей вдумчивому чтению, развить у них навыки критического мышления.

Автор благодарит своего ученика Михаила ШЕЛКОВА за помощь в издании книги.

- 70 лет в школе

- Часть первая

- Что и как отзывается в школьных сочинениях о жизни и самих себе

- Уже шестнадцать

- Как война прошла

- В жизни всегда есть место подвигу?

- И прожить ее надо так...

- Все проходит?

- В зеркале книг

- Послесловие

- Часть вторая

- Как слово наше отзовется

- Часть третья

- Сочинения

- Книги Льва Айзермана

70 лет в школе

Лев Соломонович Айзерман

Редактор Ольга Беспрозванная — Монахова

Фотограф Дмитрий Островский

Корректор Ольга Рыбина

© Лев Соломонович Айзерман, 2024

© Дмитрий Островский, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0064-0525-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

...Школьные сочинения о времени и о себе — это, по словам Пушкина, сочинения, «где отразился век, и современный человек изображен довольно верно»...

Что и как отзывается в школьных сочинениях о жизни и самих себе

Меня как читателя волнуют четыре строки из стихотворения Тютчева — это навсегда мой верный компас для ориентации в своей работе:

*Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, —
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...*

Что дают нашим ученикам уроки литературы в школе? Вы скажете: «Знания по литературе». Но знания по литературе излагаются в учебнике. На знания эти натаскивают репетиторы, хотя они, конечно, бывают разные.

Нет, нет, самое главное в нашем деле — как слово писателя отзывается в наших учениках. Это исходное для преподавания литературы в школе. Потому что с этого начинается и то сочувствие, о котором тоже говорит Тютчев. Увы, слово это мы часто упрощаем: «Заболела моя подруга, я ей сочувствую». Конечно, бывает и так, но главный смысл этого слова в другом. Откроем словарь Даля: «СОЧУВСТВОВАТЬ кому, чему, чувствовать согласно, сообща, заодно; понимать, мыслить одинаково; склоняться к кому по чувству, приязни, любви; сострадать». Работа в классе обогащает, потому что помогает понять, как слово писателя отзывается. И потому мы думаем сообща с Пушкиным, Гоголем, Блоком, Булгаковым.

Все это особенно важно, поскольку вокруг литературы в школе слишком много халтуры, спекуляций. Вот передо мной книжка из серии «Шпаргалка на ладони. Произведения русской классической литературы в кратком изложении». Тут пятнадцать произведений, в том числе «Капитанская дочка», «Пиковая дама», «Мертвые души», «Обломов», «Отцы и дети», «Преступление и наказание», «Война и мир», «Вишневый сад», «Собачье сердце». На обратной стороне обложки десяток других шпаргалок упоминаются, в том числе «Готовые сочинения». Тираж — 5000 экземпляров, цена — 240 рублей. Это действительно преступление без наказания... Мы еще обратимся к этому ширпотребу.

Что касается сочинений о жизни и о себе — это то, что сегодня называют «работой в команде»: пишет весь класс. Тут важно вот что. В такой работе сами ребята учат друг друга и учатся у своих товарищей. Анализируя эти сочинения, публикуя в книгах и статьях большие выдержки из них, я никогда не называю ни имен, ни фамилий. Но обращаясь сейчас к этим сочинениям, я хочу рассказать об опыте русской дореволюционной педагогики и опыте советской школы.

Начнем с Льва Толстого, с его статьи *«Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят»*, написанной в 1862 году. В статье этой — вера в творческие силы детей, в их способность почувствовать *«радость запечатления словом художественных подробностей»*. Здесь глубокое убеждение, что законы детского творчества и творчества писателя едины: *«Каждое художественное слово, принадлежит ли оно Гете или Федьке, тем-то и отличается от нехудожественного, что вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений»*.

У меня есть третье издание книги А. Алферова *«Родной язык в родной школе»*, вышедшее в 1916 году. Алферов пишет в ней, что школа может *«породить ученика, который научается говорить гладко о чем угодно, не вдумываясь в вопрос, а просто прилично и шаблонно нанизывая фразы одну на другую»* (мы еще увидим, что через сто шесть лет традиция эта будет широко плодоносить). Анализируя далее лучший опыт постановки сочинений в Германии, Франции, Америке, Алферов размышляет о том, какой может быть русская школа, *«разделяя с германской школой примеры разумной выдержки, не забывая о французской ясности и особой точности и последовательности изложения, соблюдая экономию сил, подобно американской, но вместе с тем уже по-своему обратиться к ребенку и юноше в его человеческом целом без тяжелых немецких классификаций, без выдвижения на первое место отчеканенного литературного стиля, как во Франции, без услуг излишнего утилитаризма Америки. Она обратится к подрастающему поколению во всем объеме его естественных, все усложняющихся духовных запросов»*. Эти слова о *«все усложняющихся духовных запросах»* блистательны и должны быть взяты в нашу сегодняшнюю школу.

И тут не могу не обратиться к письмам Ушинского о воспитании наследника престола (в сокращенном виде они есть в интернете). Когда сыну императора Александра II исполнилось 16 лет, императрица Мария Александровна обратилась

к Константину Дмитриевичу Ушинскому. Он написал лично ей четыре письма о воспитании цесаревича. Ограничусь несколькими выписками.

«Шестнадцатилетний возраст — именно то время, когда начинают формироваться в человеке убеждения... Только теперь настает пора воспитания идее, мысли, таинственная формация взглядов на жизнь и убеждений. Юность... не любит ходить на помочах. Здесь уже возможны только свободные убеждения, овладевающие мыслью, пленяющие воображение и потому уже проникающие в сердце и характер. Тут незачем уже прикрывать и полуприкрывать всякие места жизни, а напротив, надо открывать их и понимать в таком виде, в каком они действительно существуют».

Согласитесь, что написанное Ушинским не только к наследнику престола относится. Это программа для нас самих. Отсюда вытекают и требования к сочинениям о жизни, и оценки таких сочинений.

Меня как учителя литературы сформировали работы выдающегося советского педагога Марии Александровны Рыбниковой. И когда я пришел на работу в Московский городской институт усовершенствования учителей, я начал с того, что разобрал архив кабинета русского языка и литературы. И обнаружил большую папку с лекциями Рыбниковой. Оказалось, что все они вошли в ее книгу, но там было еще ее выступление 12 марта 1941 года на встрече с учителями. Это выступление никогда не было напечатано: помешала война, Рыбникова уехала в эвакуацию. Я рассказал об этом выступлении в своей первой книге *«Уроки, литература, жизнь»*. Приведу здесь несколько выписок из выступления Рыбниковой, которые и сегодня, спустя восемьдесят лет, звучат современно.

«Это желание воспитать средствами литературы осуществляется иногда, я бы сказала, методом коротких ударов: непосредственно от литературного образа сразу же после чтения расшифровывается его значимость. Сам образ не переживается, не осваивается, а просто показывается молодому читателю. Итак, мы воспитываем, мы учим мыслить на литературе, но подавая ее как искусство. Без самого важного — любви к литературе, умению читать, умению разбирать, умению мыслить с помощью писателя, радоваться ему и на нем расти. Без всего этого нет подлинного воспитания на уроках литературы».

* * *

Мой школьный товарищ Юра Манн стал известным

литературоведом. И он написал книгу о литературе, рассчитанную на молодого читателя. Она называется «ПОСТИГАЯ ГОГОЛЯ». Мне понравился такой подход: не штудирруя учебник, не готовясь к экзаменам, не занимаясь с репетитором, а ПОСТИГАЯ ЛИТЕРАТУРУ, ПОСТИГАЯ ЖИЗНЬ, ПОСТИГАЯ СЕБЯ. Вот чем мы должны заниматься на своих уроках и вот что пробуждать в своих учениках: страсть к постижению.

В 1929 году Рыбникова публикует статью, название которой станет одной из самых точных педагогических формул в преподавании словесности: «ОТ МАЛЕНЬКОГО ПИСАТЕЛЯ — К БОЛЬШОМУ ЧИТАТЕЛЮ». Я приведу сейчас выписку из статьи, а потом и взятое из этой книги.

«Если из наших классов выйдут писатели и словесники, это хорошо, но не на это мы рассчитываем. Наше дело — подготовить ярко чувствующего, критически мыслящего читателя. Нужно прямо сказать, что ни один из приемов обучения чтению так не актуален, как систематическое написание сочинений. К живописи ближе всего подойдет тот человек, кто хоть сколько-нибудь рисовал. К музыке тот, кто как-нибудь играет. К литературе тот, кто хоть немного писал».

«Это раскрытие сил каждого из учащихся плодотворно для работы каждого из них. Это и есть задача школы: вливать самостоятельные струи».

«Сочинения сильнее, нежели устные высказывания, раскрывают внутренний мир ученика — они, следовательно, служат для учащихся методом их самопознания, а для учителя — средством обнаружения этого мира, а через это и раскрытие, и методику воспитания».

Я пошел по пути Рыбниковой. Первый шаг я сделал, когда преподавал в пятом классе. И вот в 1951 году в журнале «Русский язык в школе» была напечатана моя статья об этом опыте. Статья понравилась Корнею Ивановичу Чуковскому, который тут же об этом написал главному редактору журнала: «Очень мне понравилась статья Л. С. Айзермана „Творческие сочинения учащихся“. Статья умная, тонкая и при этом боевая. Сколько учителей у нас боятся творчества учащихся».

А в следующем году тиражом 750 000 экземпляров вышла книга Чуковского «Живой как жизнь». И в этой книге он тоже обратился к моей статье. Но что привлекло Чуковского в статье молодого учителя? В самой книге Корнея Ивановича об этом сказано однозначно: «Мне случалось бывать на многих уроках, где автоматизм речи доведен до предела, где ни одного слова свежего, живого, небанального. И с огорчением видел, что есть у нас еще учителя, которые сплошь и рядом питаются только шаблонами —

и не могут не питать ими своих учеников. В том-то и заключается страшная сила этого автоматизма, что он убивает все, в чем есть задушевность, человечность, поэзия».

Вот почему Чуковский поддержал меня: «Автор статьи требует, чтобы в работах детей высказывались „свои“, а не „книжные“ мысли, чтобы ничто не сковывало творческую инициативу, не ограничивает рамками казенных требований».

Теперь мы можем перейти и к самим сочинениям. Я начал работать в единственной в Москве школе, где в старших классах мальчишки и девочки учились вместе. Для литературы это очень, очень важно. Школа находилась на самом краю Москвы. Пограничная речка текла почти у стен школы. В одном здании была восьмилетняя школа для девочек и десятилетка для мальчиков. Окончив восемь классов, девочки переходили в мужскую школу. Но сам я много лет работал только в девятых и десятых классах (потом в десятых и одиннадцатых).

Уже шестнадцать или еще шестнадцать

Не одно десятилетие, знакомясь со своим новым классом, я предлагаю сочинение на тему: «Уже шестнадцать или еще шестнадцать» (цифры, естественно, меняются под возраст). Предлагаю приблизительные и необязательные вопросы:

Взрослость — это...

Я дитя, ребенок или взрослый?

Как и в чем это проявляется?

Что особенно подействовало на мое взросление?

Взрослые (родители, учителя и другие люди) относятся ко мне как...

А хочется ли мне стать взрослым?

На протяжении всех лет большинство говорило о промежуточности этого положения между УЖЕ и ЕЩЕ. «Мои шестнадцать лет дают мне право ощущать себя взрослой, но они же и мешают этому». «Кто я? Думаю, что я ребенок, собирающийся со дня на день стать взрослым». «Мне и еще шестнадцать, и уже шестнадцать». «Для чего-то уже, для чего-то еще». «Мне еще не уже, но уже не еще».

Но в 2010-м преобладало все-таки «уже».

Что мешает почувствовать себя взрослым? Прежде всего, ограничение самостоятельности. Ведь «взрослый человек ни от кого не зависит, принадлежит только себе».

«У взрослых есть одно преимущество: им необязательно говорить, где и с кем ты бываешь и когда придешь домой». «Жизнь подростка — это две стороны медали. С одной, он уже взрослый и самостоятельный человек, вольная птица. С другой — у этой птицы подрезаны крылья».

И второе — материальная зависимость. «Мешает стать взрослым абсолютная невзрослость бытового существования. Я, как птичка, кормлюсь из рук родителей, если меня лишит этого корма, то вот я уже и растерялся, и не знаю, как жить дальше».

Во многих сочинениях — о пробуждении в девочке девушки и женщины, в мальчике — юноши и мужчины. Одна старшеклассница написала, что ощутила свое повзросление, когда ее фигура начала приобретать женские формы. Другая сказала о первых месячных.

«За свои пятнадцать лет я узнала, что такое счастье, первая любовь и горечь неудач». «Знакомые на меня смотрят уже не как на девочку, а как на девушку». «Парни не проходят мимо меня,

обязательно смотрят». «Мужчины в метро обязательно на меня оборачиваются».

В литературоведении есть такой термин — ДЕТАЛЬ. Это частное, через которое становится понятным и некое общее. Грех многих сочинений школьников о жизни в том, что в них нет деталей. Здесь же на них-то все и строится. И в этом случае сочинения в чем-то становятся уже литературой. Я уж не говорю о сценах, эпизодах, картинах, которые входят во многие сочинения.

«Как-то, гуляя в парке, я присела на скамейку, рядом отдыхала женщина. В одной руке она держала книгу, другой осторожно покачивала розовую коляску, в которой беззаботно спал маленький крепыш. Неожиданно он проснулся и заплакал. Вроде бы, обыденная ситуация, но что-то дрогнуло во мне, и мне вдруг очень захотелось поддержать в руках это маленькое беспомощное существо. Так хотелось прижать к груди, приласкать, пережить этот восторг от того, что это маленькое чудо — кусочек тебя. Наверное, это высшее блаженство, которое может ощутить женщина. Как назвать этот странный минутный порыв? Материнский инстинкт? Не слишком ли банально?» Это уже движение к литературе.

Меньше писали обо всем этом мальчики. Но писали — тоже очень живописно, конкретно, с деталями.

«Изменилось мое отношение к слабому полу. В шестом классе в дневнике у меня была запись классного руководителя: „Щипал девочек и резал им резинки“. Сейчас я не могу себе позволить обидеть девушку, женщину». «У меня появился интерес к слабому полу, стало интересней общаться с девушками». «Странно, у меня появилось желание нравиться противоположному полу. Иногда замечаю, что при близости девчат у меня чуть хрипит голос и выпрямляется спина».

Меня очень подкупает вот это, если так можно сказать, литературное восприятие и изображение жизни и себя лично. Честолюбие при этом из сочинения изгоняется.

Больше всего писали о том, что взрослость — это ответственность. «По-настоящему взрослой я почувствовала себя, когда моя мама лежала в больнице. Я стала собраннее. Ведь надо было большую часть домашней работы выполнять самой».

«Я очень взрослая для своей маленькой сестры. Когда она родилась, я впервые ощутила чувство взрослости, ответственности, превосходства. Я читала ей сказки, кормила с ложечки».

«Однажды мою маму положили в больницу, я остался с отцом на хозяйстве. Я знал, что отец приходит поздно с работы, голодный и усталый. Я каждый день готовил завтрак, обед, ужин.

Убирался в квартире, ходил в магазин. Тогда я понял, как трудно матери ухаживать за двумя мужиками. А раньше не задумывался об этом».

И другая тема: «Я думаю, что стала взрослой не по годам, потому что у меня были серьезные проблемы в семье. Именно после этого я сильно изменилась».

«До шести лет я жил у бабушки с дедушкой, потом мама вышла второй раз замуж. В девять лет у меня родился братик. Боже! Боже! Как я ему завидую! Вся ласка и забота, которых я столько ждал, достались этому человеку. Несмотря на то, что отчим ко мне хорошо относился, из года в год я стал замечать, что он моего братишку любит больше, чем меня. Даже разговаривая с мамой, он часто говорит: „Ты пойдешь со своим ребенком, а я со своим“».

Приведу выписку из очень большого сочинения. Сочинение это о смерти отца.

«Первое, что я хотела сделать, это броситься куда-нибудь и зарыдать. Но передо мной стояла мама, она была вся в слезах, в старой водолазке, которую я не видела на ней лет десять. Я видела ее глаза — глаза беззащитного ребенка. Она, как игрушку, прижимала к груди мокрый платок. Я поняла: все, что от меня требуется, это дать ей почувствовать: вместе с папой из дома не ушли уверенность, знания, верность. Я на время придавила свое „я“. Мгновение — и ты уже не тот, что прежде, уже по-другому говоришь, дышишь, видишь. Но страшно, страшно ощущать эти перемены».

Наши дети нередко проходят через драмы и трагедии. А теперь вернемся к последнему вопросу: почему многие из них так и не хотят стать взрослыми? «Я не тороплюсь взрослеть, успею еще». Это я прочел уже в первых сочинениях. Так и потом: «Взрослость наступает. Осторожно, незаметно крадется она к нам, и хочется ее остановить. Остановить и почувствовать себя ребенком, который еще не знает бед и разочарований». «Бывают дети, которые, оставшись одни в квартире, нацепляют шляпу, берут трубку и прохаживаются перед зеркалом. Если бы я мог, я бы приехал в школу в коляске». Эта тенденция увеличивается постоянно. В 1986 и 1987 годах лишь несколько человек думали именно так: не хотели взрослеть. В 1994-м каждый четвертый говорил о желании «еще немножко побыть детьми», «чуть-чуть задержаться на корабле детства». В сентябре 1996 года об этом говорили уже больше трети — 36 %, в 1999-м — 40 %. Почему сделан этот выбор?

«Не хочется расставаться с детством. Ведь жаль уходить из беспечности в мир ответственности». «Хочется жить без всякой

ответственности и проблем». «Так не хочется быть взрослым! Взрослый — это работать, кормить, отдавать долги с процентами за годы детства».

Как война прошла через мою семью

Осенью 1984 года я предложил своим ученикам в трех классах — двух десятых и одном девятом (одиннадцатого тогда еще в школе не было) — написать сочинение о том, как война прошла через их семьи. Только несколько человек сказали, что написать такое сочинение не могут.

Я читал эти сочинения, и не через исторические исследования, не из сводок Информбюро — со страниц школьных тетрадей, на которых запечатлено пережитое родными и близкими, вставляли названия, вошедшие в историю: Москва, Яхрома, Ленинград, Пулковские высоты, Синявинские болота, Ельня, Ржев, Сталинград, Курская дуга, Кенигсберг, Берлин, Будапешт, Бухенвальд. За строками сочинений всего лишь трех классов — фронт, партизанский отряд, госпиталь, санитарный поезд, эшелоны, идущие в тыл, блокада, оборонный завод, лесозаготовки, эвакуация, плен, оккупация, фашистский лагерь. И трагическая цена войны оборачивается судьбами родных и близких: «погиб под Смоленском», «погиб при форсировании Днепра», «погиб в окружении», «умер в блокадном Ленинграде», «погиб в боях за Бухарест».

И еще один страшный счет: «был трижды ранен, контужен, всего за войну дедушка был ранен восемь раз», «в сорок третьем потерял руку», «ему ампутировали ногу выше колена, осколки прошли около сердца и вырвали ребро. Наши врачи спасли моего дедушку, но он остался инвалидом».

Я читал о мальчике, на глазах которого в оккупированной деревне расстреляли отца, а сегодня мальчик этот — папа моего ученика. О мальчике, на глазах которого снаряд убил мать, а сегодня (естественно, «сегодня» здесь применительно к тем дням, когда было написано сочинение) этот мальчик — отец одного из моих учеников. О девочке, которую на бреющем полете гонял по полю фашистский летчик, девочке, которая чудом осталась живой, но у которой тогда же появилась прядь седых волос. Сейчас у меня за партой сидит дочь этой девочки. Да и сам я хорошо знаю мать этой ученицы. О дедушке, который в юности был угнан в Германию, пытался сбежать, был пойман, жестоко избит... Он был освобожден нашей армией. Когда его просят рассказать о пережитом — он не может, так ему тяжело. О поездах с мирными жителями, которые бомбили — и некуда бежать: кругом ни одного кустика, совсем некуда деваться. О

бабушке, которая получила похоронку на живого мужа: «Представляете: женщине всего 26 лет, у нее на руках трое детей»...

Так обретают плоть и кровь вроде бы знакомые слова: оккупация, эвакуация, война.

Ограничусь пока лишь тремя цитатами.

«Они ехали по дороге жизни. Ехали под непрерывной бомбежкой. А машина была четвертой. Три машины ушли под лед. Уже позднее, когда я стала повзрослее, бабушка специально сводила меня на то место. На обратном пути все время плакала, а приехав домой, сказала, что все пережила заново.

«Госпиталь бомбили, хотя на нем был флаг Красного креста. А в один из дней погибла от этих налетов бабушкина подруга, эстонская девушка. В честь нее бабушка назвала мою маму Элеонорой».

«На меня самое большое впечатление из всего, что я видела и слышала о преступлениях фашизма, производит маленькая фотокарточка из семейного альбома. На ней — мальчик лет тринадцати и девочка лет десяти, двоюродные брат и сестра моего отца. Эти дети закончили свою короткую жизнь в печи одного из концлагерей на территории Польши, где они погибли с матерью, сестрой моей бабушки».

И обретают плоть такие слова, как «Все для фронта, все для победы!», «Героический труд тружеников тыла». Я читал об авиационном заводе, возведенном на голом месте. О людях, которые неделями не появлялись дома, жили на казарменном положении. О женщинах, которые вытаскивали колхозную страду. О карточках, пайках.

Я особо ценю в сочинениях картины, эпизоды, рассказы о судьбах людей. Приведу три отрывка.

«Мой дед был кузнецом. Самая русская и самая мужская профессия. Ничего особенного он не делал — просто с утра до неопределенного времени стоял у наковальни. Работать с женщинами было нелегко. Вплоть до того, что отчаявшиеся вдовы называли его „тыловой крысой“. А что он мог ответить? Знал, что каждая думает: „Почему он, а не мой муж, сын, любимый?!“ Сохранилось заявление деда с просьбой отпустить его на фронт — с отказом».

«Зимой, когда работы на полях становилось меньше, женщин отправляли на лесозаготовки. Бабушка рассказывала, что деревья пилить ручной пилой было очень тяжело. Болели руки от непривычной работы. После обрубки со спиленного дерева сучьев к бревну привязывали веревку и волоком тащили по снегу к штабелю, затем подтягивали это бревно наверх штабеля. Ныло

все тело, каждый сустав болел».

«Когда дед по дороге из госпиталя на фронт заехал домой буквально на час, он увидел следующее: дети худые, голодные, жена еле на ногах стоит, так устала. Мой отец рассказывал, хотя он был маленький, запомнил в этот день одно: когда деда посадили за стол и дали ему щи из лебеды, то он ел, хвалил, а у самого из глаз слезы текли, когда он смотрел на детей. Говорил: „Как вкусно-то“. А сам плакал».

Одно сочинение как-то особо впечатлило меня. «Однажды я взяла у бабушки шкатулку. В ней были пожелтевшие солдатские треугольники. Я развернула одно из писем, оно было заштриховано, как будто кто-то старательно заштриховал строчки. Бабушка сказала, что во время войны проверяли все письма и ненужную информацию заштриховывали. Первый раз я держала в руках исторический документ».

На мой взгляд, все те сочинения, о которых я уже рассказал, и те, которые будут еще нами прочитаны, — все они по-своему исторические документы.

У меня училась внучка Григория Чухрая. После того, как мы все увидели по телевизору его фильм «Баллада о солдате», он был у нас в школе. И я тогда попросил его посмотреть сочинения учеников. Прочитав их, он с внучкой передал мне письмо: *«Ваши ученики, сами того не зная, показали, как глубоко, как органически живет в них память об Отечественной войне. Некоторые выдержки из этих сочинений взволновали меня до слез. Например, как отец ел суп из лебеды, хвалил его, а сам плакал. Такое не придумать, хоть проглоти перо. Ваше задание помогло им задуматься над тем, что значит для них, для них лично, история страны»*.

В жизни всегда есть место подвигу?

В дореволюционной гимназии было правило: в формулировке темы сочинения не должно быть ни одного слова, которое подсказывало бы, о чем и как надо это сочинение писать. В советской школе нередко как раз данное правило нарушали. «Онегин — лишний человек», «Катерина — луч света в темном царстве», «Разоблачение утешительной лжи в пьесе Горького „На дне“». Особенно часто предлагали тему со словами Горького: «В жизни всегда есть место подвигу». Когда я кончал школу, у нас на экзаменационном сочинении было три темы. Одна из них: «Всемирной надеждою стала советская наша страна». Мой сосед по парте и по дому на эту тему и написал. Но я решил рискнуть: поменял точку на вопросительный знак. Сочинение стало другим.

Много позже, уже работая в школе, я попросил учителей повторить этот опыт: поменять точку на вопросительный знак в теме сочинения «В жизни всегда есть место подвигу». В результате у меня на столе — 372 сочинения. Разногласий между школами нет. Разногласий с канонем в принципе нет. И вместе с тем многое совершенно другое.

Две вещи несомненны.

Высшая мера подвига, самый бесспорный образец его — подвиги Великой Отечественной войны.

И второе: подлинный подвиг бескорыстен.

«Мне кажется, подвиг заключается в том, чтобы в нужный момент собрать все свои внутренние силы, забыть свои личные интересы во имя интересов окружающих тебя людей, взять себя в руки и делать нужное и важное дело, исполнение которого принесет, возможно, счастье, радость другим. Спасет их от опасности, спасет жизнь или просто принесет им какую-то пользу».

В жизни всегда есть место подвигу. Ты согласен с этим утверждением? «Нет», — ответили семь человек. «Да», — все остальные из 372.

Арифметика сверхблагополучная. Но тут-то и начинается поиск истины.

Какой подвиг можно совершить в мирное время? Вынести человека из огня, спасти утопающего, обнаружить опасного преступника — это подвиг. Но если нет пожара, никто не тонет и не совершает преступления? А в самом деле, в чем именно сегодня заключается подвиг?

Вот несколько ответов.

«Работая честно, человек делает свой вклад в общее дело.

Этим он совершает подвиг».

«Я думаю, что для того, чтобы совершить подвиг, не надо каких-то условий: каждый человек на своем рабочем месте совершает подвиг, если отдает всего себя любимому делу, и если это дело приносит пользу людям».

«О большинстве подвигов не написаны книги, о большинстве подвигов не напишут даже в газете. Они — в элементарном исполнении ежедневных обязанностей. В наше время подвиг состоит в том, чтобы просто делать то, что тебе положено».

«Сделай что-нибудь хорошее, не думай, что о тебе скажут со стороны, — и можно сказать, что ты совершил подвиг».

«Если человек живет не только для себя, а помогает чем-то и другим, то это тоже в какой-то степени подвиг».

Характерно, что профессия врача, точнее хирурга, чаще всего упоминается, когда речь заходит о подвиге. Она названа в 61 сочинении. «Было бы слишком просто и узко сводить подвиг лишь к самопожертвованию и действиям, непосредственно связанным с риском для жизни. Мне бы хотелось честную хорошую работу назвать не трудовым подвигом, а просто нормой, нормой для каждого».

«Героическое стало обыденным».

«Каждому времени — свое. Сейчас, работая честно, с душой, весь отдаваясь любимому делу, человек совершает подвиг».

Но с этим далеко не все были согласны.

«Конечно, это прекрасно, если человек честно трудится, и надо писать о таких людях, говорить о них по радио, поощрять их. Но я не согласна с тем, что люди, выполняющие план на 200 %, совершают подвиг».

«Подвиг всегда связан с самопожертвованием: жертвуешь жизнью, счастьем, благополучием во имя идей, во имя людей».

«Подвиг — это поступок человека ради других людей, который связан с опасностью для жизни и отречением от многих земных благ».

Только в 12 сочинениях сказано о подвиге, совершенном во имя научных убеждений. Ведь «теперь за научные исследования не наказывают, ученых больше не называют еретиками, и продвижение науки вперед перестало быть таким подвигом, каким было раньше».

В школе, в которой я работал, были, как мы их называли, медицинские классы. В них готовили к поступлению в медицинский институт. Уроки химии и биологии вели наши учителя и — платно — преподаватели вузов. Я не раз спрашивал учеников, что они знают о трагедии нашей генетики и подвиге генетиков. И все мне отвечали одно и то же: «А зачем? Ведь этого

нет в ЕГЭ». Через годы я встретился с учениками одного из этих классов. «Вы нас научили думать, — сказали мне. — За это спасибо. Но теперь это никому не нужно и даже опасно».

Два раза я был в санатории, в котором половина мест была отдана детям с онкологией крови. Их сопровождали мать или бабушка. И путевки, и дорога были бесплатны. Я много говорил с матерями этих детей, с которыми они месяцы, порой — по полгода проводили в больнице. Каждый второй муж и отец в этой ситуации уходил из дома. Но ни в одном сочинении не было сказано о великом подвиге материнской любви. Как учитель я много раз с ним встречался...

Лишь в одиннадцати сочинениях мы можем прочесть: «мой друг», «моя дядя», «я знаю такой случай». Лишь одиннадцать человек обращались не к газете, не к телевизору, не к книге, а к людям, которых автор сочинения знал лично. Но ведь именно такой опыт — самый значимый и убедительный. По этому показателю сочинения о подвиге были значительно ниже, чем в тех сочинениях, о которых я уже рассказывал и еще расскажу: всего два процента из числа писавших. Заканчивая анализ этих сочинений, скажу о стихотворении Новеллы Матвеевой о пожарном, которому *«хотелось ночью розовой кого-нибудь спасти»*. Броситься в огонь этому пожарному так и не удалось:

*«Но в том краю как раз пожаров не было.
Там жил предусмотрительный народ».*

Так и не сбылись мечты о подвиге —

*«А между тем, горело очень многое,
Но этого никто не замечал».*

Я рассказал об этих сочинениях на страницах журнала «Юность», тогда у «Юности» был двухмиллионный тираж.

И прожить ее надо так...

Закончив уроки по роману Николая Островского «Как закалялась сталь», я даю два урока на сочинение. На доске известная цитата: «Самое дорогое, что есть у человека, — это жизнь. И прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое, и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь, все силы были отданы самому прекрасному в мире — борьбе за освобождение человечества». Стираю мокрой тряпкой с доски весь текст, кроме пяти слов: И ПРОЖИТЬ ЕЕ НАДО ТАК. Это и есть наша тема: *не сочинение о романе, а размышления в связи с романом*. Сегодняшний школьник продолжает раздумья героя романа, но применительно к нашему времени и к самому себе. Это и диалог с романом, даже если о романе не будет сказано ничего.

Вот выписки из сочинений 1991 и 1992 годов. Именно тогда начинается величайший в нашей истории поворот. 1991-й — последний год в жизни СССР. 1992-й — первый год в жизни государства Россия. Многие писали о том, что «Павка был прав для своего времени, но сейчас мы живем в новой эпохе».

«И я не могу согласиться с корчагинским убеждением в том, что если ты живешь по-другому, то это жизнь подленькая и мелочная».

Вспоминаю рассказ одной учительницы о том, как они у себя в школе устроили суд над Раскольниковым. Я спросил: «А по какому кодексу вы его судили? Уже по нашему, нынешнему?».

Коротко можно сказать об авторах этих сочинений: их волнует не устройство жизни всего человечества, а устройство своей жизни во всей ее полноте. Не классовое, как у Корчагина, — свое, личное. «Могу подписаться подо всем в корчагинском тексте, кроме „борьбы за счастье всего человечества“».

«Я хотела бы отдать свои силы семье, мужу, детям (в будущем), кому-то дорогому и близкому мне».

«У кого-то, как у Корчагина, цель — борьба, а у многих, как и у меня, цель жизни заключается в самой жизни, пользе, которую я принесу людям».

«Люди, которым я помогу, семья, друзья, мои дети, моя работа, жизнь, которая не прошла даром. И самое главное для меня — мои дети, какими они будут, как воспитать их, чтобы они были честными, умными, искренними».

Но обратимся к более сложной проблеме. В 1996 году в Москве проходил трехдневный идеологический актив. Институт усовершенствования учителей направил на этот актив меня как заведующего кабинетом русского языка и члена партбюро. В моем блокноте сохранилась запись выступления Первого секретаря Центрального комитета комсомола: «Пусть положительный герой что угодно танцует, только пусть он будет Корчагиным». Но это никак невозможно. Когда вы прочтете следующую главку, вы это хорошо поймете: тут ситуация куда глубже, чем казалось секретарю ЦК ВЛКСМ.

У меня есть трехтомное собрание сочинений Николая Островского. В нем роман «Как закалялась сталь» представлен вместе с эпизодом, которого не будет потом ни в одном издании. Однако это очень важный эпизод. Когда партия возьмет курс на НЭП, Корчагин выступит против. Для него НЭП — это возврат к капитализму, буржуазии, власти денег. Корчагин признал, что был неправ, и его восстановили в партии. Но по сути он так и остался насквозь антибуржуазным.

Когда я говорю на уроках о Корчагине, я сравниваю эпизод из романа Островского с рассказом Бабеля «Соль». В голодные годы люди стремились прорваться в южные места, чтобы хоть как-то подкормиться и что-то привезти. Их тогда называли «мешочниками». В рассказе «Соль» в одном из вагонов едет женщина с ребенком. А потом ее разоблачат: не ребенок это, а завернутая в одеяло соль: *«добрый пудовик соли»*. *«Простите, любезные казачки, не я вас обманула, лихо мое обмануло»*. Теперь эта женщина *«более контрреволюционная, чем белый генерал»*. И молодец Бадмашев *«выбросил эту гражданку по ходу под откос. Но увидел, что она посидела — и пошла своей подлой дорожкой. И я, сняв своего винтара, смыл этот позор с лица земли и республики»*.

Но вот и Павел Корчагин называет всех этих мешочников «подлецами», «спекулянтами», «гадьем». И Корчагин с товарищами своими выкидывают их из вагона.

Через пятнадцать лет, в 2011 году, я в последний раз провожу это сочинение. Много повторяется. Но все же появился мотив, которого не было раньше.

«В романе история нашей страны рассказывается человеком, который был ее участником. А люди никогда не могут уйти от прошлого. Следовательно, мы должны знать полную историю и принимать ее такой, какая она есть. Ведь и будущее неразрывно связано с прошлым, которое нельзя вычеркнуть из истории».

«Да, уходит прошлое, и окружающий мир преобразается. Но ведь и в „Войне и мире“ Льва Толстого описывается 1812 год, а не наше время. Так почему же не стоит читать другие книги о прошлом?»

«Я не спору, что Павел Корчагин был безмерно предан идеям революции, что роман, возможно, чуть приукрашивает колорит той эпохи. Но это обстоятельство на втором плане. Мне было очень интересно узнать, что волновало молодых людей в то время, чем они жили и к чему стремились».

* * *

Весной 1994 года мои ученики одиннадцатых классов пишут сочинение на тему «Работаю и зарабатываю». Естественно, анализируя здесь эти сочинения, я сохраняю анонимность авторов.

Из 52 одиннадцатиклассников лишь четверо никогда не держали в руках заработанных ими денег. При этом 14 из 32 юношей (это 44 %) работали и работают длительное время. Из 20 девушек зарабатывают 10 человек, но только четверо работают длительное время.

Все сочинения, кроме первого, даются в сокращенном виде. Критерий оценки этих сочинений — не то, что делали, а то, как написали.

«В настоящее время основная серьезная работа для меня всегда планируется на лето. Каждое лето я провожу на Южном Урале. Не буду останавливаться на мелочной повседневности как хождение за водой, отгребание картошки, пилка дров и т. д. Самой важной работой в деревне я считаю покос, так как нет покоса — нет скотины, нет молока, мяса, шерсти и сала. На покос ходим сначала вдвоем: мой семидесятилетний дед и я, потом присоединяется и мой брат, приехавший из Москвы. Нам нужно было накосить сена на одну корову и трех овец. Это четырнадцать возов сена. Для меня не было ничего лучше, чем косить на природе, видеть и осознавать важность результатов проделанной работы. Моей косой работать было удобно, так как косовище вырублено из липы, которая значительно легче березы. Хорошо махать косой, когда литовка держится прочно и не отходит, когда трава слегка сыроватая от утренней росы и послушно ложится в прямое покосиво, когда за тобой получается ровная и чистая, как на аэродроме, дорожка. Прошел покосиво, достал брусok, подточил литовку — и начинай по новой. Близится полдень. Чем выше становится солнце, тем жарче, высыхает роса, а сухую траву значительно труднее косить.

Хочется сбросить мокрую от пота рубашу, но нельзя: на смену утренним комарам прилетели навозные слепни, мухи, без рубашки съедят живьем. Рубаша и платок на голове все же немного защищают меня от этих паразитов. В два часа дня или где-то около этого времени мы идем пообедать и отдохнуть. Весь обед — бутылка молока, хлеб, огурцы, крутые яйца. После непродолжительного отдыха косим, домой приходим во столько же, во сколько и уходим, то есть примерно часов в восемь. И так каждый день. Переходя от одного покоса на другой, мы выкашиваем их. Если будет хорошая солнечная погода, то сено быстро просохнет и, значит, пора его ворошить, то есть переворачивать валки граблями на другую сторону. Это легкая работа, но так как сена лежит немало, то это займет уйму времени, особенно, если вдруг наступит дождливая погода. Тогда придется ворошить сено, перетряхивая его буквально по травинке, чтобы оно хорошо просохло и не гнило в валках. Когда сено полностью высохнет, мы ставим копны, сгребая и мечем сено. Уточняя: дед как специалист мечет сено, которое в валках подношу я и которое сгребает мой брат. Признаюсь, это нелегко — перетаскивать на своих плечах целый покос, хотя, если очень далеко нести, то мы пользуемся носилками, на которые можно положить чуть ли не полтора центнера сена. Домой возвращаемся уже вечером. Все, что я написал про покос, очень коротко и скупо, так как, чтобы написать подробно, мне не хватило бы и тетради».

«Совсем недавно, осенью прошлого года, я ходил с бригадой отца подхалтурить на ремонте детского сада. Там вместе со всеми целый день красили стены, перила, окна, батареи, белили потолок. Короче, здесь мне отвалили десять тысяч. Через неделю была еще одна халтура в заводском доме здоровья, правда, там мы работали вдвоем, мой отец и я. Здесь мы тоже красили стены и вентиляцию, настелили линолеум. Тут я заработал пятнадцать тысяч. И наконец, нам с отцом в середине ноября на ремонте частной квартиры дали двести тысяч, пятьдесят из которых он отдал мне, остальные — матери на хозяйство. Эти пятьдесят штук дались мне не просто так: в этой квартире я вкалывал, как негр. Здесь и красил, и олифил, и обдирал обои, шпаклевал стены и т. д., хотя всю основную работу выполнил отец».

«Начал я подрабатывать четыре года назад: мыл машины, раздавал рекламные объявления, продавал газеты, а летом ездил с родителями на юг и подрабатывал там. Грузил на бахче арбузы в грузовики, перебирал черешню. Больше всего я работал, продавая газеты. Вставать приходилось рано утром, ехать в редакцию, покупать газеты, потом ехать в школу и после школы продавать их. Приходилось успевать учиться и подрабатывать.

Домой приходил усталый, но довольный, что деньги заработал и еще время осталось, чтобы домашнее задание выполнить. Это был для меня довольно прибыльный бизнес».

«Я ремонтирую электронику и компьютеры. Вначале изучал основы кибернетики, телевидеосистем, меня интересовали новые разработки в этой области. Ремонтируя технику при таких больших ценах, на ней можно зарабатывать много денег. Но мне нравится и сам ремонт, поиск неисправностей, замена неисправных деталей. Особенно я люблю играть на компьютере с приятелем. И думаю, что интерес к технике и экономике помогут мне открыть свое дело».

«Моя работа — помощник репетитора по математике. Репетитор — мой старший брат, он старше меня на десять лет. Очень хорошо запомнила тот день, когда в первый раз легла мне на стол тетрадка десятиклассника. Пять аккуратно исписанных листов с примерами мне предстояло проверить. Около двух часов возилась я с этими листами. Ласково показывала на ошибки. В конце нужно было подсчитать, сколько процентов задания выполнено полностью. Процент тот я тогда завысила. А после посыпались и тетради других учеников. Но я всегда ждала тетради моего первого ученика. Приятно было посмотреть работу над ошибками, где каждый неправильный пример переделывался так, как я объяснила. Брат все реже просматривает проверенные мной тетради. Моя ответственность растет. Ведь часто проверяют сделанное и родители. Очень нравится работать и на самих занятиях. И я видела, что на таких уроках нужно не только знание математики, но и психологии. Необходимо умение хвалить, ругать, заинтересовывать. Часто, сидя на занятиях, замечаешь, что и обычный школьник способен виртуозно соображать и решать самые сложные логические задачи, если удастся его расшевелить».

Все проходит?

Героиня одного из рассказов Чехова заказала себе кольцо с надписью «Все проходит». Узнав об этом, другой герой того же произведения подумал о том, что, если бы он заказал себе такое кольцо, он выбрал бы надпись: «НИЧЕГО НЕ ПРОХОДИТ». С кем из этих персонажей вы согласны или не согласны и почему? Большинство выбирают надпись «НИЧЕГО НЕ ПРОХОДИТ», но я цитирую здесь вперемешку.

«Эта надпись наполнена позитивом. Героиня была жизнерадостна. Вероятно, у нее были проблемы, но главное в жизни — видеть хорошее. Герой же является полной противоположностью. Ведь нельзя быть таким пессимистом. Жить и общаться с другими становится намного труднее».

«С надписью на кольце мужчины я не согласен. Для того чтобы прожить жизнь, нужно быть самоуверенным и не терять свое достоинство. Эта надпись делает мужчину менее самоуверенным».

«Эта женщина выбрала такую надпись, потому что она не стыдится за свою совесть, правдива перед ней, радуется своей жизни, все от нее берет».

«Все проходит, но бесследно не проходит ничего. Любое событие, которое пережило наше сердце или душа, конечно, со временем забывается, но остается осадок».

Прерву ненадолго высказывания учеников. Многие из них путают два неоднозначных слова: «проходит» и «забыть». Я совершенно забыл свою начальную школу. Но пережитое не прошло: оно уже давно во мне самом.

«В нашей жизни ничего не проходит бесследно. Каждое перенесенное горе оставляет в нашей душе рубец, как шрам после пореза».

«Да, мы, конечно, не помним абсолютно всего, что было. Но все то, что было, формирует наш жизненный опыт, наше понимание, отношение к близким и далеким. В этом смысле ничего не проходит».

«Недавно пережила развод родителей. Сначала было очень тяжело. Спустя некоторое время привыкла к тому, что его нет. Тоска по нему ушла. Я понимаю, что все проходит».

«Когда мне был год, отец с матерью развелись. Не могу сказать, что была вообще лишена мужского внимания в детстве: у меня есть двоюродный брат, которого я очень люблю. Но взрослым мужчинам я не доверяю».

И тут мы подошли к самому трудному и самому важному.

С одной стороны:

- Как и всем, я думаю, мне не хочется страдать.
- Не надо заикливаться на отрицательных эмоциях. Недаром говорится: «Кто старое помянет, тому глаз вон». Мы должны с достоинством пережить и забыть.

- Я считаю, что, если человек хочет избавиться от груза, от горечи в своей душе, он должен жить сегодняшним днем.

- А как поступать с неприятными воспоминаниями? Надо собрать всю волю в кулак, стараться отвлечься. Мне лично это помогает.

С другой стороны:

- Человек, думающий только о себе, конечно, уверен, что все на свете проходит. А тот, кто думает не только о себе, но и об окружающих его людях, никогда не скажет, что все проходит.

- Надпись «НИЧЕГО НЕ ПРОХОДИТ» добавляет ответственности за свои поступки.

- Конечно, мы пытаемся помнить только хорошее, а плохое оставить в прошлом. Но скажите, разве может человек думать только о сладких мгновениях своей жизни? По-моему, любая ошибка или мелочь в вашей жизни оставляет неизгладимый след. Как бы ни хотелось оставить все плохое в прошлом, все равно оно не дает нам о себе забыть.

- Воспоминания — это опыт, это чувства, это эмоции, которые не дают нам повторять ошибки прошлого. Многие ситуации оставляют отпечаток на душе человека. За счет этого и формируется личность.

- Люди, которые постоянно думают о своих ошибках, винят себя, их мучает совесть — вот у них ничего не проходит.

Читаю стихотворение Пушкина «Воспоминание»:

*Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвержением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Обращаюсь к стихотворению Некрасова «Рыцарь на час»:

*Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запекает...
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания*

Все позорные пятна мои!

Напомню тем, кто читал роман Булгакова «Мастер и Маргарита», что Понтий Пилат почти две тысячи лет в полнолуние страдает и мучается, потому что некогда предал и убил.

Знакомлю со стихотворением Бориса Чичибабина:

*Спокойно днюет и ночует,
Кто за собой вины не чувствует:
Он свой своим в своем дому
И не в чем каяться ему.*

*Он в хоровом негодованье
Отверг и мысль о покаянье.
А я и в множестве один,
На мне одном сто тысяч вин.*

*На мне лежит со дня рожденья
Проклятье богоотпадения,
И что такое русский бунт,
И сколько стоит лиха фунт.*

В 1963 году я пришел на работу в Московский городской институт усовершенствования учителей в кабинет русского языка и литературы. Как раз в то время нам поручили подготовить доклад о положении дел с преподаванием литературы в Москве. Уже были намечены школы в каждом из районов, где в 9 и 10 классах будут писать сочинение. Я предложил во всех классах добавить в список тем еще одну: «КАКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИЛИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МНЕ БОЛЬШЕ ВСЕГО ПОНРАВИЛОСЬ И ПОЧЕМУ».

К сожалению, я допустил серьезную ошибку: не попросил, чтобы в каждой школе подсчитали процент учеников, выбравших именно эту тему.

Тысячу сто тридцать сочинений я читал месяц. Вот десять авторов, произведения которых выбрали более десяти учеников:

М. Шолохов — 58 человек (упомянуты «Поднятая целина», второй том которой вышел в 1962 году, — 20 человек, «Судьба человека» — 25 человек, «Тихий дон» — 44 человека).

Д. Гранин, «Иду на грозу» — 53 человека.

Ю. Бондарев, «Тишина» — 49 человек.

В. Аксенов — 47 человек («Коллеги» — 28 человек, «Звездный билет» — 18 человек, «Апельсины из Марокко» — 1 человек).

К. Симонов, «Живые и мертвые» — 36 человек (речь идет о первом томе трилогии).

А. Солженицын, «Один день Ивана Денисовича» — 34 человека.

Э. Ремарк — 31 человек (названы «Три товарища», «На западном фронте без перемен»).

Д. Нолль, «Приключения Вернера Хольта» — 31 человек.

Б. Балтер, «До свидания, мальчики» — 30 человек.

Ч. Айтматов, повести — 37 человек.

Написав справку для руководства, я второй экземпляр отнес в журнал «Литература в школе», где и была напечатана моя статья «Современная литература глазами старшеклассников». Я не знал, что эта статья была тут же переведена на английский язык и напечатана в журнале «Советский Союз», который выпускали для американского читателя. А американцы выпускали журнал «Америка», который распространялся у нас.

Через пять лет мне прислали книгу «Читательские интересы детей и подростков» и конверт с каталожными карточками Библиотеки Конгресса. Каждая статья в этой книге была написана

специалистами той страны, о которой они писали. Советский Союз представлял я.

Послесловие к первой части

Я послал Василию Быкову журнал, в котором была напечатана моя статья об уроке по его повести «Обелиск», который я проводил у себя в школе. В статью входили и выдержки из сочинений, написанных моими учениками по этой повести. Скоро получил ответ: «Спасибо за внимание, журнал и статью, которую я прочитал, как свою собственную. Ведь приятно встретить единомышленника, что теперь не так уж часто встречается. Поэтому издаю Вашу руку. Будьте здоровы и счастливы. Спасибо. В. Быков».

И здесь мы обратимся к Сергею Аверинцеву, его блистательной статье в 7 томе «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1972 г.). Часто говорят, что нельзя идти вперед, постоянно оборачиваясь назад. Нет, нельзя идти вперед, не оборачиваясь к тому, что было сделано, открыто, изобретено, познано до нас. Далеко видно лишь тогда, когда ты стоишь на плечах своих предшественников. Статья С. Аверинцева называется «Филология». Лишь несколько цитат.

«Филологии принадлежит весь человеческий мир, но мир, организованный вокруг текста и увиденный через текст. Итак, внутренняя структура филологии с самого начала оказывается двуполярной. На одном полюсе — скромнейшая служба «при тексте», беседа с ним наедине, пристальная «согбенность» над текстом, рассматривание текста с самой близкой дистанции, не допускающей отхода от его конкретности; на другом полюсе — универсальность, пределы которой невозможно установить заранее...

В традиционной структуре филологии, при всей строгости ее приемов, при всей несентиментальности, деловитости и здоровой сухости окружающей ее эмоциональной атмосферы, присутствует нечто, упорно сопротивляющееся подобным устремлениям. Речь идет даже не об интуиции, а о том, что прежде называлось житейской мудростью, здравым смыслом, знанием людей, и без чего невозможно искусство понимать сказанное и написанное, каковым является филология. Житейское умение разбираться в людях представляет собой форму знания, достаточно инородную по отношению к тому, что обычно называют научностью; неустранимость этого элемента из состава филологии придает последней (как и всем собственно гуманитарным типам анализа) весьма своеобразную и по видимости архаическую физиономию...

Ее (филологии. — Л. А.) строгость состоит не в искусственной точности математизированного мыслительного аппарата, но в постоянном нравственно-интеллектуальном усилии, преодолевающем произвол и высвобождающем возможности человеческого понимания. Одна из главных задач человека — понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся «исчислению» вещь, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но также перед каждой эпохой, перед всем человечеством. Филология есть служба понимания и помогает выполнению этой задачи».

Еще в 1915 году Борис Эйхенбаум выступил против удушения гимназической литературы «научностью»: «Я до сих пор постоянно слышу про эту самую «научность». И не понимают, что «жизненное умение разбираться в людях представляет собой форму знания». А посему школьные сочинения о времени и о себе — это, по словам Пушкина, сочинения, «где отразился век, и современный человек изображен довольно верно».

Часть вторая

...То, о чем мы будем говорить, ни баллов, ни однозначных ответов не дает. Зато дает другое: глубину понимания слов автора, осознание самого себя, да и других тоже...

Как слово наше отзовется

Каждый год, когда в моем десятом (теперь одиннадцатом) классе идут уроки о Великой Отечественной войне в литературе, я посвящаю один урок самостоятельной работе по стихотворению Александра Твардовского 1966 года.

...Давайте сделаем небольшое отступление. Вот о чем хочу предупредить. Во всех пособиях по подготовке к ЕГЭ в конце называется номер задания — и тут же дается правильный ответ. За эти ответы и ставят экзаменационные баллы. Но при изучении литературы абсолютно верных, а потому общих для всего класса ответов нет. Правильно ли поступила Татьяна, отвергнув в последней главе романа Онегина?

*«Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».*

На эту тему есть пространные рассуждения Достоевского в его Пушкинской речи. И есть совершенно другого смысла рассуждения Белинского.

То, о чем мы будем говорить дальше, ни баллов, ни однозначных ответов не дает. Зато дает другое: глубину понимания слов автора, осознание самого себя, да и других тоже.

...А теперь вернемся к стихотворению Александра Твардовского:

*«Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но все же, все же, все же»...*

Даю урок и, если требуется, перемену.

В разные годы различные результаты.

Так, весной 1996 года во всех трех классах 33 человека из 62, то есть 53 % учеников, стихотворение совершенно не поняли. Ни двоек, ни троек я за такие работы не ставлю: мы учимся, а не сдаем на баллы.

Начнем с этого, мной названного, года.

«Многое в этом стихотворении неясно. Человек одновременно и не виноват, и виноват, и казнит себя».

«Я даже не знаю, о чем говорить об этом стихотворении, так как считаю, что первые три строчки противоречат последним строкам. Никакая война не может обойтись без крови, а эту войну затеяли не мы. Так как же он склонен винить себя? В самом стихотворении есть слова: „речь не о том“. Так о чем же? Я не знаю».

«Эта позиция верна, если изменить местоимение „я“ на „они“, имея в виду руководство, управление во время войны. Это было бы вернее, и стихотворение приобрело бы смысл».

«Это стихотворение мог бы написать не рядовой человек, а человек, командовавший отрядом, ротой и другими соединениями».

«Я не понимаю, как мог бы он сберечь. Он же не мог своей грудью всех защитить от пуль».

Были и ответы, авторы которых увидели в стихотворении смысл прямо противоположный тому, что вкладывал поэт:

«Поэт пытается как-то себя успокоить».

«Он занимается самовнушением, что на нем нет никакой вины. Чтобы свалить с души камень, он внушает себе, что не виноват».

«Написав это стихотворение, он пытается освободить людей от чувства вины».

Что за этим: непонимание стихотворения или неприятие совестливости автора? Что это: эстетическая глухота или нравственная недостаточность? Или вообще такая постановка вопроса неправильна? Но еще раз повторю: установки ЕГЭ на верный ответ, прибавляющий баллы, стремление к правильному однозначному и всеобщему ответу, снижение оценки в ЕГЭ по литературе до нуля за искажение позиции автора — это обесценивает всю работу, обуздывает разум и чувства.

А в 2005 году стихотворение было понято. Почти все писали о том, что нерв стихотворения — в конфликте разума и сердца, мысли и чувства, логики и совести.

«Разум мыслит логически, сердце говорит правду».

«Но все, что говорит ему разум, разбивается о душевную боль и муку».

«Разум говорит, что он не виноват в смерти солдат, а сердце все же страдает».

«Он виноват перед самим собой, перед своей совестью».

«Сколько бы автор ни убеждал себя в своей невинности, боль в сердце он заглушить не может. Все утверждения автора в том, что он не виноват, тщетны. Он никогда не сможет скинуть с

плеч этот тяжкий груз. Душевные мучения и терзания навсегда укрепились в его сердце».

«Умом он понимает, что его вины нет „в том, что другие не пришли с войны“, но сердце сжимается при мысли об этих людях, „кто старше, кто моложе“. Он не мог их сберечь, война принесла море горя во многие семьи. „И все же, все же, все же“... Все же боль осталась в сердце».

«Многоточие в конце стихотворения указывает на какую-то недосказанность, на то, что подобные мысли и чувства терзают автора постоянно и, видимо, не покинут никогда».

Приведу одно сочинение полностью:

«Стихотворение Твардовского наполнено болью, запекшейся на сердце. Он вернулся с войны, а многие не вернутся уже никогда. Неизвестные ему люди и, напротив, очень близкие, остались там. Когда читаешь слова „кто старше, кто моложе“, перед глазами возникают образы солдат, и как-то тяжело становится. Это воспоминания о тех, кто, возможно, когда-то служил вместе с ним, смеялся, дышал. Твардовский понимает, что вины его в этом нет, в том, что они погибли. Он говорит: „Я знаю“. Не „я думаю“ или „мне кажется“, а „знаю“. Но сердце невольно сжимается. Он жив, а они погибли. В стихотворении это передано интонацией. Какие-то пики, напряжение нарастает, потом спад. „Остались там“ — идет спад, и снова вверх: „Речь не о том“! И постепенно опускается все ниже: „И все же, все же, все же“... Здесь нет лишних слов, но это недосказанное чувствуешь, когда читаешь. Эти слова застревают в горле. Переживая тяготы войны вместе, люди становятся родными друг другу, терять их всегда трудно. Умом он понимает, что его вины нет: „никакой моей вины“, но в сердце все равно остается боль. И это противоречие в стихотворении: „Я их мог, но не сумел сберечь...“ „Речь не о том, но все же, все же, все же“»...

А вот неожиданный поворот: в тот год 14 человек (а это 19 %) написали о другом:

«Многие не пришли с войны, а он, ПОЭТ, пришел. Солдаты гибнут, а ты — журналист, ты не воюешь. У тебя другие цели».

«Он был на фронте, но как наблюдатель, писатель».

Однажды я позвонил Андрею Михайловичу Туркову, фронтовику, автору книги о Твардовском, хорошо знавшему поэта. И он подтвердил, что Твардовский действительно переживал то, о чем писали мои ученики. Эти переживания отразились в его дневнике.

Здесь я должен сослаться на книгу, которую недавно прочел: Александр Твардовский, «Я в свою ходил атаку». 443 страницы фронтового дневника 1941, 1942, 1943, 1944, 1945 годов.

Вдумайтесь в название: «Я в свою ходил атаку»...

Приведу полностью вступление к этой книге:

«Война с Германией. Еду в Москву» — эта короткая запись, сделанная Александром Твардовским 22 июня 1941 года, положила начало его военным дневникам, которые поэт будет вести каждый день все последующие четыре года. «Я чувствую себя в силах сделать нечто очень нужное людям, которых люблю так, что при мысли о них сердце сжимается...» — писал поэт. И Твардовский работает — помимо газетных заметок, в которых он поднимает боевой дух бойцов, пишет стихи.

Он видел многое — гибель под Киевом отступавших дивизий, выход из окружения под Каневом, наступательные операции 3-го Белорусского фронта. Закончил войну в Германии. Здесь, на фронте, он создает своего знаменитого «Василия Теркина».

* * *

Чтобы точнее понимать смысл стихотворения Твардовского, стоит рассказать одну историю. Однажды позвонила подруга моей мамы: «Приезжай немедленно! Ко мне придет Македонов, и я хочу тебя с ним познакомить. Македонов — это тот самый друг детства».

Речь шла о друге детства Александра Твардовского, авторе книги о поэте Адриане Македонове.

Вот что он рассказал об этом стихотворении. Первоначально оно заканчивалось не многоточием, были две последние строки:

*«Не знаю. Только знаю, в дни войны
На жизнь и смерть у всех права равны».*

В книге «Будущий Твардовский» Македонов пишет: «В самый последний момент Твардовский убрал последнее поясняющее двустишие. Убрав концовку, предыдущую строку сделал последней и троекратным повторением усилил эмоциональность и многозначность заключительного „все же“, которое дало богатое поле значений и раздумий. При этом память о погибших остается не менее суровой, даже усиливается мотивом рассудочно необъяснимым, но создающим чувство вины и некий вопрос».

* * *

Упомянув Адриана Македонова, не могу не сказать о его

судьбе. В 1937 году он был репрессирован: Македонова в молодости обвинили в том, что он агент троцкистско-зиновьевской банды в литературе. Только в 1946-м, благодаря вмешательству Твардовского, Адриан Владимирович вышел на свободу.

С самого начала Твардовский публично выступал в его защиту. Именно об этом пишет он в поэме «За далью даль» в главе «Друг детства»:

*«Но годы лучшие за мною,
Весь этот жизни лучший срок —
Та дружба числилась виною,
Что мне любой напомнить мог».*

Важно знать, что эта поэма и эта глава — первое в советской литературе упоминание о человеке, который 17 лет провел в далеком изгнании. Особенно значим такой эпизод: поезд с тем, кто возвращается из ссылки, на какой-то станции остановился — там же, где и поезд автора, шедший в противоположном направлении. Читаем:

*«И дружбы долг, и честь, и совесть
Велят мне в книгу занести
Одной судьбы особой повесть,
Что сердцу встала на пути...*

*Я не скажу, что в ней отрада,
Что память эта мне легка,
Но мне свое исполнить надо,
Чтоб вдаль глядеть наверняка.*

* * *

*...И нет нелепей муки:
Ему ли, мне ль свисток дадут,
И вот семнадцать лет разлуки,
И этой встречи пять минут!»*

* * *

Вернемся к стихотворению «Я знаю, никакой моей вины». Я стал предлагать ученикам сравнить два варианта текста: первый, заканчивавшийся строкой «*На жизнь и смерть у всех права равны*», и второй, обрывающийся многоточием.

Цитирую сочинения. «Здесь есть оправдание в том, что на смерть у всех права равны». «Автор не знает, что такое „все же“, он только знает, что не виноват. Все равны, и я не виноват». «Вину за гибель он передает „дням войны“». «Он уже меньше сомневается в своей вине: у всех были права остаться в живых, но кому-то повезло меньше». «Над совестью берет верх разум». «Автор как бы сдерживает себя от сердечных желаний, даже, как мне кажется, резко говорит: „Что же — все же?“»

Есть и другие суждения. «Последняя строка второго варианта стихотворения — это голос разума, заглушающий искренние, но, увы, безнадежные порывы сердца. Второе стихотворение несет меньше чувств, чем первое». «Многоточие говорит больше, чем точка». «Казалось бы, стихотворение оборвано — но нет, оно закончено, и передает беспомощность этих сложных чувств». «Поэт не договаривает до конца, ему больно, и он понимает: что бы он ни думал, что бы ни говорил, все равно какая-то капля вины лежит на нем. Это оставляет шрам на его душе». «Хоть стихотворение и заканчивается „все же, все же, все же“, а дальше неизвестно, что это за „все же“, чувства автора все равно нам понятны. Мне кажется, что с помощью такой концовки чувства видны глубже, как будто у него ком в горле, и он не может договорить до конца. Чувствуется, что ему больно, и это чувство не дает покоя».

В 2005 году все, кто трактовал стихотворение в варианте с многоточием, писали, что в нем есть место и для читателя, каждый может подумать, что же такое для него «все же».

«Эта недосказанность заставляет читателя задуматься над тревогами и переживаниями автора, примерить их на себя, открыть их тайный смысл».

«Здесь чувствуется какая-то незавершенность. Читатель после завершения стихотворения остается наедине со своими мыслями и получает возможность самостоятельно подумать, о чем хотел сказать автор».

«Стихотворение выглядит незаконченно, автор как бы что-то недоговаривает, как-то не разобрался с самим собой. Это придает ему жизнь, краски, заставляет читателя задуматься, погрузиться. Думаю, что самый правильный конец стихотворения: „И все же, все же, все же...“ Такое нельзя описать словами, это надо почувствовать сердцем и душой».

В 2007 году я собрал все ответы, в которых говорилось о точке и многоточии в конце текста.

«Это многоточие позволяет каждому читающему по-своему осмыслить стихотворение», «Есть возможность поразмышлять и представить», «Многоточие оставляет за человеком право выбора,

право на собственное мнение». «Оставляет нам почву для размышлений».

Два года назад ученики писали сочинения, сравнивая варианты. 82 % писавших предпочли второй вариант стихотворения. «Та редакция, о которой мы писали, кажется мне более убедительной». «Вариант более эмоциональный и волнующий, другой более спокойный и здравомыслящий». «Более живое, более человеческое».

Но 18 % все же предпочли первый вариант: «Все закончено, все понятно». «В конце точка, а другой вариант не закончен». «Автор задает вопрос, и тут же на него отвечает».

* * *

Я уже говорил, что в течение десятков лет предлагал для самостоятельной работы это стихотворение Твардовского. И в те же годы предлагал самостоятельную работу по двум стихотворениям Симонова. Предлагаю на уроке, иногда на двух уроках, сопоставить «Песню о родине» (тогда она печаталась с маленькой буквы) В. Лебедева-Кумача и два стихотворения К. Симонова осени 1941 года: «Родина» и «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины». «Песня о родине» была написана в 1935 году, она должна была празднично и пафосно закончить фильм «Цирк». 35 раз возили текст песни в Кремль. Только 36-й вариант был принят. «Песня о родине» претендовала даже на роль гимна.

Естественно, на уроке ее текст лежал на каждом столе.

Общая тональность «Песни о родине», отмечали все (в данном случае мы не писали сочинение, а обсуждали), — мажорная, праздничная. Она о людях, которые умеют «смеяться и любить», в ней — «весенний ветер». В ней человек «дышит вольно», «и с каждым днем все радостнее жить».

Стихи Симонова рисуют Родину в час трагических испытаний. А потому здесь иные краски: «бесконечные злые дожди», «усталые женщины», «тракт, слезами измеренный чаще, чем верстами». Родина предстает здесь «в зной, в грозу, в морозы», во имя нее приходится «голодать, холодать, идти на смерть». Это «идти на смерть» в час, «когда последняя граната уже занесена в твоей руке», приобретает особое значение после «Песни о родине»: «С каждым днем все радостнее жить».

В «Песне о родине» страна предстает «необъятной»: «до самых до окраин, с южных гор до северных морей». В начале Симоновской «Родины» тот же масштаб: «Касаясь трех великих океанов, она лежит, раскинув города». Но есть в стихотворении и

другое измерение, именно оно главное, определяющее. Родина — это «речонка со скрипучим перевозом», «далекая дорога за леском», «клочок земли», «та горсть земли, которая годится, чтоб видеть в ней приметы всей земли». У Лебедева-Кумача — «много в ней лесов, полей и рек». У Симонова — «три березы».

То же измерение в стихотворении Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»: «тракт», «проселки», «изба под Борисовым», «пажити», «кринки» — все это знакомые приметы именно конкретной Смоленщины, ее дорог. (Обратите внимание на «избу под Борисовым», мы еще многое о ней скажем. Это не та метафорическая дорога, о которой у Лебедева-Кумача поется «молодым везде у нас дорога», это именно «дороги Смоленщины».)

Напоминаю ученикам своим, что образы «клочок земли», «пядь земли» (так назовет потом свою книгу Г. Бакланов), «безымянная высота» (о ней будет сложена песня) — это не СУЖЕНИЕ понятия Родины, а расширение и обогащение его. Обращаю внимание на то, что в знаменитом приказе Сталина № 2227 от 23 июля 1942 года будет сказано именно о «клочке земли»: *«Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности».*

Вернемся, однако, к нашей работе по сопоставлению стихотворений.

«Нет для нас ни черных, ни цветных». Песня Лебедева-Кумача, как сказала одна из учениц, «лишена эмоционального начала». «Сознание лишено национальных черт, — продолжает другой. — Упор на „слово гордое товарищ“». У Симонова сознание глубоко национальное, повторяются слова «по русским обычаям», «по русской земле», «по-русски рубаху рванув на груди», «русская мать», «русская женщина» — всего семь раз.

В стихах Симонова, говорят ученики, «осознанная связь с прошлым России». Это страна отцов и дедов: «проселки, что дедами пройдены», «как встарь повелось на великой Руси». «У Лебедева-Кумача такое ощущение Родины отсутствует. Ведь социалистическое отечество ведет свое летосчисление с октября 1917 года».

Как пишет в своей книге «Меж Брежневым и Пугачевой» Татьяна Чередниченко, верх социальных мечтаний достигнут, осуществлены самые великие чаяния: *«„ТАК вольно дышит человек“.* Отсюда — оптимизм: *„С каждым днем все радостнее жить“* и самовосхваление: *„никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить“.* Вся родина в песне уместилась только

в „сегодня“. Она не имеет прошлого».

Напомню, что именно в тот день — «двадцать пятого, первый день» по словам Маяковского — и начался отсчет нашей новой истории.

Но двадцать четыре года спустя именно в этот день, 7 ноября 1941-го, на параде Сталин напомнил всем о мужественных образах далеких предков.

Маяковский стремился вырвать людей из дома, из квартирному мирка. И Светлов писал: *«Я рад, что в огне мирового пожара мой маленький домик сгорит»*. Те, кто прочел роман Булгакова «Белая гвардия», хорошо знают, как звучали тогда музыка и поэзия дома.

Так вот, в дни войны дом встал в ряд с такими понятиями, как родина, отчизна, страна. «Если дорог тебе твой дом» — так начинается знаменитое стихотворение Симонова.

И несла сокровенные чувства песня:

*«Не спит солдат, припомнив дом
И сад зеленый над прудом,
Где соловьи всю ночь поют
И в доме том солдата ждут».*

Гибель дома оборачивается трагедией: именно об этом стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату...», написанное сразу после войны. Да и сам дом уже воспринимается как часть мира, одна из основ и опора его: вспомните поэму Твардовского «Дом у дороги».

Как разнится это мироощущение с относительно недавним (и двадцати лет не прошло!) революционным отношением к вечным ценностям вроде дома, любви, человеческой личности. Откроем поэму А. Блока «Двенадцать», написанную в 1918 году:

*— Ох, товарищи родные,
Эту девку я любил...
— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!*

Блок хорошо чувствовал: эпоха социальных катаклизмов — не время для личного, интимного. То же звучит в «Песне о родине»:

*Над страной весенний ветер веет,
С каждым днем все радостнее жить,
И никто на свете не умеет*

Лучше нас смеяться и любить.

*Но сурово брови мы насупим,
Если враг захочет нас сломать,
Как невесту, Родину мы любим,
Бережем, как ласковую мать.*

Выходит, что любовь — только для весеннего времени и радостной жизни, а вовсе не для того времени, «когда враг захочет нас сломать».

Война все изменила. Написанное Симоновым стихотворение «Жди меня...» тут же, в декабре 1941 года, было подхвачено миллионами — эти строки посылали родным, домой.

Часть третья

**...Позволю себе дать рекомендации,
каким должен быть экзамен по
русскому языку и литературе...**

Сочинения

без сочинений

Начнем с терминов. Владимир Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка»:

СОЧИНЕНИЕ: Само произведение, что сочинено, что создано, что принадлежит лично автору. Сочинить, сочинять, изображать, творить умственно, придумывать, вымышлять, производить духом, силой воображения, придумывать.

«Новейший большой толковый словарь русского языка», 2008 год:

Сочинение — письменные школьные работы — изложение своих мыслей на заданную тему.

Начну издавека. У меня сборник тем сочинений для экзаменов 1968 года. Приведу несколько тем.

«Отечественная война 1812 года в романе Л. Н. Толстого „Война и мир“».

«Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“ как энциклопедия русской жизни».

«Как показывает М. Горький в романе „Мать“ путь созревания русского рабочего класса».

«Дореволюционная Русь в поэме Гоголя „Мертвые души“».

«Гуманизм М. Горького в пьесе „На дне“».

Обратите внимание: берется одно обширное, большое произведение для анализа его во всей полноте. И времени на это отводится немало: шесть часов.

В наши годы все остается по-прежнему: одно произведение для одного сочинения. Но времени уже меньше: полтора часа. Да и темы труднее. Судите сами:

«Человек и событие в прозе А. А. Платонова».

«Народ и власть в „Истории одного города“ М. Е. Салтыкова-Щедрина».

«В чем особенности человека и его судьбы в повести А. И. Солженицына „Один день Ивана Денисовича“».

Я уж не говорю о совершенно невиданном сочинении на тему «Революция и гражданская война» по роману Бориса Пастернака «Доктор Живаго». Особенно, если учесть, что сам Пастернак понимал роман совершенно иначе, и вспомнить, что за этот роман ему присудили Нобелевскую премию, а на родине поэта вынудили от нее отказаться.

Но даже это меркнет перед сочинениями на экзамене по русскому языку. Сочинениями, построенными на... отрывках из

художественных произведений.

Передо мной отрывок из романа Константина Симонова «Живые и мертвые». Пошел в библиотеку — в романе более трехсот страниц. В экзаменационном отрывке — полторы страницы текста книжного формата. В тексте экзамена — 12 предложений. Вот одно из них:

«Шли мобилизованные, спешили добраться до самых близких призывных пунктов. Не желали, чтобы их сочли дезертирами, и не знали, где смогут получить обмундирование и оружие. То были одни из самых мрачных дней».

Все понимаю, кроме одного: о чем спрашивают на экзаменах, какие вопросы задают по этому тексту, напечатанному сотысячным тиражом? Трагедия превращена в какой-то фарс с получением баллов. В одном блоке нужно найти предложения с таким-то термином, в другом — с такими-то номерами. Какое все это имеет отношение к смыслу текста? Только одно: настричь побольше баллов на экзамене.

* * *

А ведь о Константине Симонове многое надо бы знать современному юному читателю! Например, знать, что прошедший фронтовые дороги, ставший любимым поэтом и автором романов Симонов не мог издать свою книгу о первых днях войны. Она вышла только после его смерти.

...К Симонову у меня особое, личное отношение. Константин Михайлович оставил завещание сыну: тело его после смерти кремировать, а пепел рассеять на Буйничском поле, где он впервые увидел поверженного врага. И случилось так, что я приехал в Могилев к белорусским учителям, вместе с которыми мы отправились на Буйничское поле с прахом Симонова.

* * *

А теперь, пожалуйста, подумайте, что искали на экзамене ученики в тексте Симонова? Номера терминов, литературоведческие понятия и ответы на другие 13 задач, которые и приносили баллы.

И тут я не могу не вспомнить Николая Гумилева:

*Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна*

Сказано, что Слово это — Бог.

*Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества,
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.*

И рядом — Ахматова:

*...мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.*

Но только — без баллов.

* * *

Что ж, позволю себе дать рекомендации, каким должен быть экзамен по русскому языку и литературе.

РУССКИЙ ЯЗЫК

ДИКТАНТ. Подготовка к диктанту — одна работа в месяц.

СОЧИНЕНИЕ. Но не по литературе и по баллам, а по впечатлениям от пережитого.

ЛИТЕРАТУРА

Сочинение по одной из проблем русской классики.

На экзамене предлагаются три темы.

Самостоятельный анализ одного из стихотворений русской поэзии: от прошлых столетий до сегодняшнего дня.

ПОЛНОСТЬЮ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ТЕСТОВ

1. **УРОКИ, ЛИТЕРАТУРА ЖИЗНЬ** М., Просвещение, 1965
2. **О ПРОБЛЕМНОМ ИЗУЧЕНИИ В ШКОЛЕ КОМЕДИИ А. С. ГРИБОЕДОВА «ГОРЕ ОТ УМА»** Методические рекомендации. *Л.С.Айзерман составитель М., Московский городской институт усовершенствования учителей, 1966
3. **ЧЕЛОВЕК СРЕДИ МАШИН И ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ** М., Знание, 1974
4. **УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ СЕГОДНЯ** М., Просвещение, 1974
5. **ШКОЛЬНИК ПИШЕТ СОЧИНЕНИЕ** М., Знание, 1977
6. **БЕЗЗАВЕТНОСТЬ ИСКАНИЙ** М., Знание, 1979
7. **ВСТУПАЯ В ЖИЗНЬ** М., Знание, 1983
8. **УРОКИ НРАВСТВЕННОГО ПРОЗРЕНИЯ** М., Педагогика, 1983
9. **СОЧИНЕНИЯ О СОЧИНЕНИЯХ** М., Педагогика, 1986
10. **ОТ ПОСЛЕДНЕГО ЗВОНКА — ДО ВЫПУСКНОГО ВЕЧЕРА** М., Московский рабочий, 1987
11. **НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ И В ЗАЛЕ КИНОТЕАТРА** М., Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1986
12. **ДАР ДУШИ И ДАР ГЛАГОЛА** М., Педагогика, 1990
13. **С УГЛУБЛЕННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ ЛИТЕРАТУРЫ...** М., Знание, 1990
14. **ИСПЫТАНИЕ ДОВЕРИЕМ. ЗАПИСКИ УЧИТЕЛЯ** М., Просвещение, 1991
15. **ВРЕМЯ ПОНИМАТЬ. Проблемы русской литературы советского периода** М., Школа-Пресс, 1997
16. **ЛИТЕРАТУРА В СТАРШИХ КЛАССАХ. УРОКИ И ПРОБЛЕМЫ** М., Просвещение, 2002
17. **Зачем я сегодня иду на урок литературы** М., Захаров, 2005
18. **ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НЕПОЭМА. Есть ли будущее у уроков литературы в школе?** М., Время, 2012
19. **СОЧИНЕНИЯ О ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ В СОЧИНЕНИЯХ** М., Национальный книжный центр, 2012
20. **УРОКИ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕГО ОПЫТА ПРЕПОДАВАНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ** М — СПб., Нестор-История, 2016
21. **ДОЖИВЕМ ДО ВОСКРЕСЕНИЯ. ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА** М — СПб., Нестор-История, 2018
22. **ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЛЮБВИ. НОН-ФИКШЕН ПОВЕСТЬ ИЗ ЖИЗНИ УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРЕХ ЧАСТЯХ** М — СПб., Нестор-История, 2019